

Глава 55. Проклятие и наслаждение.

«Я не могу гарантировать, что не буду фальшивить», – Сирина знал, как звучат стоны. Однако имитировать их он никогда не пытался.

«Это прекрасно», – ответил Салем.

Сирина не мог этого сделать, так как на него смотрел красивый парень. Его щеки покраснели от одной только мысли о том, что он издает непристойные звуки, а Салем наблюдает за ним. Он отчаянно попытался выдать из себя, но звук застрял в горле и умер тихой смертью.

«На самом деле, кажется, я не могу», – сообщил Сирина ожидающему блондину. Они теряли время и должны были уйти, но взгляд Салема был расчетлив и словно приковывал его к себе дурными намерениями.

«Тогда нам придется довольствоваться настоящими», – ответил блондин.

С момента их публичного поцелуя более года назад Салем приложил свой академический ум к чтению и усвоению нескольких пикантных рукописей, обучающих читателей искусству дарить и получать наслаждение. Помимо эротического воображения, алхимику не терпелось вживую ознакомиться с плодами своих исследований.

Сирина привлекал его настолько, что он хотел испытать все приобретенные навыки на юноше. Он надеялся, что этот красавец будет охотно поддаваться его ласкам. Однако если тот будет возражать, Салем не станет испытывать судьбу.

«Прямо здесь?» – неуверенно произнес Сирина, исподтишка разглядывая труп. Дитя демона провел несколько лет в компании насилия и разврата и за это время давно потерял чувствительность к трупам и любому проявлению неуважения к ним. Вопрос не стоял о том, насколько это неправильно, нет, этот вопрос отпал в тот момент, когда Сирина решил помочь Салему.

«Цель – заставить их думать, что он был с женщиной», – Салем заключил Сирина в клетку между своими руками и стеной. Человек, которого он только что убил, не заслуживал внимания, по крайней мере, со стороны Салема.

«Что, если его призрак витает рядом с нами?» – спросил Сирина. Он выигрывал время, чтобы решить, не пожалеет ли он впоследствии об этом последнем акте неуважения к мертвым.

«Мы не обязаны этого делать, если тебе это неприятно», – ответил Салем, понимая нерешительность Сирина. Было не так уж важно, поймут ли Салема – он все равно был умирающим человеком.

Его первое убийство было легким. Покойный был гнилым подобием человека и хотел отнять жизнь у Салема, так что это была просто расплата. А что касается последующих убийств? Старший алхимик с трудом смирился с тем, что ему придется сделать.

Салем освободил Сирина от необходимости принимать решение.

«Пойдем домой», – сказал он младшему мальчику, уставшему от многочасового напряжения.

Младший алхимик не шелохнулся, прислонившись к стене. Под внешним спокойствием высокого парня чувствовалось напряжение, и Сирина ощущал его.

«Салем, когда мы вернемся домой, тебе придется признаться», – это прозвучало тихо, но не могло быть принято за просьбу.

Кивнув, блондин наложил на себя иллюзию. Младший алхимик сделал то же самое и последовал за другим, пройдя по кратчайшему пути, который привел их к рыбацкой стоянке.

Позже два алхимика на цыпочках прокрались в дом за час до наступления рассвета. Они заперлись в алхимической комнате и задернули все шторы, чтобы уединиться настолько, насколько это было возможно для исповеди Салема.

«Итак, первое убийство?» – спросил Сирина.

«Как ты узнал?»

«Я не знал. Это был случайный вопрос, чтобы растопить лед».

Салем не знал, с чего начать. Сегодняшнее хладнокровное убийство было преднамеренным, спланированным после годичной внутренней борьбы. Легкость, с которой он совершил это деяние, вызвала отвращение даже у него самого, но приукрасить ситуацию было невозможно – теперь он был преступником.

«Салем?» – спросил Сирина, когда светловолосый погрузился в свои мысли.

Выдохнув, чтобы освободить клубок напряжения, свернувшийся внутри него, Салем снял иллюзию, которая всегда была активна, круглосуточно, с тех пор как на его коже появилась метка.

Перед удивленным взором Сирина появился зловещий узор, расползавшийся по горлу блондина, словно чернила в знакомом младшему узоре. Сирина почувствовал, как он излучает злобу, разрывая его чувства, словно животное, выпотрошенное наизнанку и выброшенное сушиться на палящее солнце.

«Ты, блядь, издеваешься надо мной, – злобно прошипел он, – кто ее на тебя поставил?!»

Сирина вдруг задрожал от ярости, которая обрушилась на него, словно молния, рассекающая душу. Метка была темным заклинанием, которое не мог снять ни один из них, даже Сирина с его обширными познаниями в магии не мог снять ее.

«Ты знаешь, что это такое?» – Салем горько усмехнулся. Старинный узор на его горле нечасто встречался в огромном хранилище знаний, существовавшем в их время.

«Да, я знаю. Это мерзкое проклятие, которое должно было умереть вместе со своим создателем», – ответил Сирина.

Он видел эту метку в одном из старых томов Траксдартта – идеальный круг, внутри которого змея закручивалась по спирали внутрь к центру, где была поймана бабочка с тремя крыльями. Количество крыльев указывало на количество лет, оставшихся Салему. Это выглядело красиво, но на деле оказалось совсем не так.

Задыхаясь от гнева, который холодным сгустком застыл в его организме, Сирина жалел, что не догадывался о том, что Салем умирает. Для его друга еще оставался путь, кровавый путь.

«Расскажи мне все».

Салем не надеялся на освобождение от своей проклятой жизни, но тот факт, что Сирин знал об этом, принес ему чувство облегчения.

«А что тут объяснять? Я - представитель четвертого поколения и последний живой представитель потомков моего прадеда. Это проклятие было наложено на нас главой семьи Фотейрн, когда их удача начала угасать. Они разжирели и разбогатели, паразитируя на продолжительности жизни членов моей семьи».

Родные Салема обращались за помощью от жрецов к магам, а затем, и вовсе, к нескольким известным прорицателям. Большинство их детей умирали, не достигнув совершеннолетия, и они не могли понять, почему. Некоторые, однако, избежали проклятия и не дали своей крови угаснуть. Отец Салема даже женился на эльфийке в надежде, что смешение рас даст возможность избежать трагедии, постигшей их семью. Но все было безрезультатно. Все умерли, кроме Салема.

«Насколько я знаю, эта метка не должна быть заметна», - Сирин с любопытством протянул руку, чтобы проследить его узор. Еще одна причина, по которой проклятие было таким мерзким - оно незаметно ложилось на жертву, разъедая ее жизненную сущность и превращая ее в удачу для заклинателя.

«Мне посчастливилось быть принятым в семью моей матери, хотя ее саму презирали за то, что она родила от человека. Наверное, я унаследовал внешность моей бабушки, - рот Салема приподнялся в циничной улыбке, - дед - ученый, у него обширная библиотека. Именно там я нашел книгу о проклятиях, спрятанную на виду у всех, под видом книги об алхимии».

«Она была на письменности неруха?» - спросил Сирин.

«Да»

Значит, они читали одну и ту же книгу.

«Мне нужно было лишь следовать инструкциям, чтобы открыть метку проклятия. Я знал, что это такое, но не знал, кто это сделал, поэтому я вернулся сюда, где семья моего отца пустила свои корни. Историческое расследование о Фотейрнах показало точный год, когда их судьба начала меняться. Можешь ли ты поверить, что это был год, когда семья моего отца потеряла своего первого сына в результате несчастного случая?».

Так все и происходило - неестественные смерти, с которыми невозможно было примириться.

«Как это случилось?»

«Ветка дерева, под которым он отдыхал, сломалась и упала ему на голову, убив его мгновенно. Ему было 28 лет, когда это случилось».

«В этом году тебе исполнилось 17 лет, - с горечью ответил Сирин, - 19 лет - слишком рано, чтобы погасить такое яркое пламя, как твое. Я рад, что ты убил того человека».

Его смерть прибавила год к продолжительности жизни Салема. Это был самый трагический аспект проклятия. Если жертва хотела жить, она должна была стать убийцей. Уничтожение всех живых членов семьи, которые происходили от того, кто изначально наложил проклятие, освобождало жертву от преждевременной смерти. В любом случае, это была печальная участь для Салема.

«Ты прав, я рад, что убил его. Семья Фотейрн прекрасно осведомлена о ритуале, благодаря которому они защищены и богаты. Они должны знать, потому что проклятие ежегодно требует принесения в жертву кого-то из их семьи. Уменьшение числа наследников Фотейрн приносит определенное облегчение их жертвам, потому что это означает, что магия, питающая узы, меньше. У этого трижды проклятого сына шлюхи было 9 детей от первой жены и еще трое от любовницы».

Сирин растерялся, услышав ругательства алхимика.

«Значит, тебе придется убить их всех», – это было сказано тихо и твердо. Фотейрны все еще продолжали поддерживать проклятие и жить за счет смерти семьи Салема. Было вполне уместно, чтобы они все за это умерли.

Салем сжал руки Сирина и посмотрел на него взглядом, в котором было поровну благодарности и обожания. Он жил с этим бременем, одинокий и несчастный, надеясь найти друга, который мог бы понять его участь без осуждения. Блистательный Сирин не только разделял его боль, но и сочувствовал ему, что принесло избавление, которое на время успокоило ураган, в котором он оказался.

Он медленно наклонился, давая Сирину время отвергнуть его, но младший мальчик раздвинул губы и опустил взгляд на рот Салема. Это было приглашение, которое старший мальчик принял с жадностью. Салем никогда не целовался ни с кем другим. Его первый поцелуй украл Сирин, и он хотел дать больше.

Младший алхимик раздвинул губы Салема скользким языком, желая попробовать полуэльфа на вкус. Светловолосый алхимик был явно неопытен, но он с лихвой компенсировал это нетерпением, которое заставило его присосаться к назойливому языку. Возбужденный этим, Сирин прикусил губы Салема и превратил поцелуй в нечто первобытное и развратное. Для блондина это был отличный способ узнать, что боль тоже может быть возбуждающей.

Опьяненный медовым ртом, который научил его большему, чем книги, Салем приник к коже на шее Сирина. Его влажный рот приник к атласной бледной коже и лизнул влажную дорожку по пульсации горла младшего подростка. Быстрые руки расстегивали пуговицы на тунике Сирина, а его рот покрывал поцелуями прекрасные ключицы.

Сирин тяжело задышал, когда горячий рот Салема нашел один из его розовых сосков. Из рта Сирина вырвался стон, когда Салем провел по нему теплым языком. Младший парень сжал губы, смутившись от изданного им звука. Кровь в его теле прилила к органу, который стал увеличиваться с момента начала их поцелуя.

А когда блондин уделил внимание другому соску Сирина, который затвердел от холода, это был шок тепла и удовольствия, от которого по позвоночнику Сирина пробежала дрожь. Его руки легли на плечи блондина, и Сирин жалобно заскулил.

«Остановись, Салем. Я не могу - не могу вынести унижения от того, что кончаю только от этого».

В ответ блондин освободил розовеющий влажный сосок и откинулся в кресле. Затем он потянул Сирина вперед, прямо к себе на колени. Глаза цвета индиго расширились от того, как интимно он расположился на сильных бедрах Салема.

«Никто не должен знать, даже Роуэн», – пробормотал блондин, низко и знойно, его глаза блеснули от осознания того, что анتماг желает парня, сидящего у него на коленях. Насколько

Салем знал, Сирин не принадлежал Роуэну. Это чувство отразилось в глазах Сирина.

«Ты так говоришь, будто я ему обещан», – пробурчал Сирин.

Он бы спрыгнул со скалы, прежде чем почувствовать себя виноватым за это. Роуэн был обещан счастливой жрице, и весь Элизиум знал об этом. Подавляя прилив раздражения, которое он почувствовал, услышав имя Роуэна, Сирин задвигал бедрами, что вызвало стон на прекрасных губах Салема. Их эрекции были прижаты друг к другу между шуршащей тканью брюк.

«Так хорошо, – задыхался Салем, – снова, с чуть большим давлением».

Светлые волосы распущены, глаза остекленели от удовольствия, полуэльф притягивал взгляд. Его руки метнулись к талии Сирина и призывали двигаться, даже когда губы сцепились в беспорядочном поцелуе.

Дыхание смешалось в горячих штанах, и Сирин потерял себя от яркого горячего удовлетворения, которое требовало немедленного освобождения. Он был благодарен, что Салем не настаивал на большем, хотя его тело хотело именно этого. Блондин крепко сжал задницу Сирина и подался вверх, подгоняя его обещанием того, что он может получить.

«Ннгхх...Салем!» – вскрикнул Сирин и позорно кончил в штаны. Все шло гладко, пока Салем не подтолкнул его к краю этим смертоносным движением. Он прижался лбом к плечу блондина и спрятал лицо от своего партнера по преступлению. Так неловко! – подумал он, насытившись тем малым, что ему было дано.

Прижав легкий поцелуй к виску Сирина, Салем выдохнул и обхватил руками обмякшего Сирина, который лежал на нем как мертвый груз.

«Алька скоро проснется», – напомнил он мертвому грузу.

«Пусть»

«Если Артемус узнает, меня могут выгнать из дома», – в жалобе Салема слышался смешок.

«Как? Как все узнают?» – Сирин поднял голову, встретившись с янтарными глазами Салема.

«Сплетни распространяются быстро. Такого красавца, как ты, трудно спрятать», – ответил Салем, нежно проводя костяшками пальцев по щеке Сирина.

«Твоя правда, Салем», – Сирин прикоснулся к влажным губам, которые так и манили его.

Затем блондин провел пальцами по шелковистым волосам на затылке Сирина и притянул его голову к себе, чтобы поцеловать, медленно и чувственно. Когда они оторвались друг от друга, Салем откинулся назад и окинул взглядом грудь Сирина.

«Они на тебя так смотрят. Вот так и я узнал»

Неужели он уже выдал себя?

«Ложь».

«Уже почти время завтрака, Сирин».

Вздохнув, младший алхимик поднял ногу с очаровательного блондина.

«Отлично. Мне нужна ванна».

Его брюки были липкими и отвратительными.

«Я могу помочь с твоим следующим убийством... если ты этого хочешь».

Сирин задержался, ожидая, что Салем что-нибудь скажет, но единственным ответом блондина была легкая улыбка. У них было два года на то, чтобы Сирин передумал, поэтому Салем не стал обременять мальчика ношей, которая ему не по плечу. Если Сирин все еще будет чувствовать то же самое, когда придет время забирать новую жизнь, он с радостью примет любую помощь темноволосого красавца.

«Тогда увидимся за завтраком», – Сирин повернулся и вышел из алхимической комнаты, оставив Салема вымотанным, но чувствующим себя легче, чем когда-либо.

<http://bllate.org/book/14251/1259503>